

**Кристина Борис
Забытая благодарность**

18+

Кристина Борис

Забытая благодарность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801880

SelfPub; 2023

Аннотация

Местный король бежал с поля боя и не желает помогать народу, а государство практически захвачено амбициозным полководцем Аполлоном. Первая деревня встречает нового повелителя и предлагает свою доброту. Полководец желает провести ночь с местной замужней женщиной по имени Урсула, но та решительно отказывается от подобного предложения, обрекая на погибель своих близких.

Кристина Борис

Забытая благодарность

Пролог

– Что слышно о наших солдатах?

– Их удалось прогнать?

– Много кто погиб?

– Моего сына, Маркелла, не видел? Ты с ним раньше возил крупы в другие города. Ты должен его помнить. Высокий такой...

– Да оставь его в покое! Дай ему ответить на вопросы!

Народ столпился вокруг посыльного и донимал вопросами, чтобы узнать последние вести. Несколько месяцев назад на эти земли пришли чужеземцы под управлением полководца Аполлония, и с тех пор люди забыли покой.

Много юношей ушли в столицу по зову короля Патрикия, чтобы защитить свои земли и не допустить гибели. Поначалу воинов провожали как героев, надеясь, что враги будут быстро повержены, а юноши придут целыми и невредимыми, однако вести с каждым днём становились хуже и хуже.

Черные ленты, символизирующие гибель солдата в бит-

ве, стали всё чаще появляться на входных дверях домов. Каждый мог прийти в такой дом и отдать что-то из своих запасов, чтобы таким образом выразить соболезнование.

Некоторые поселения так сильно помогали друг другу, что двери перестали попросту закрывать, чтобы не мешать многочисленным людям приходить в дом, где смерть недавно вплела свою ленту.

Так в одной из таких деревень пришёл посыльный, который недавно побывал в местах, где проходила ожесточённая битва. Люди приходили с горшками, чтобы посыльный мог передать солдату тепло его дома. Увы, некоторым людям посыльный горестно говорил, что горшки больше некому передавать, тем самым оповещая о том, чего все когда-либо боялись услышать.

В очередной раз народ столпился вокруг посыльного, однако на этот раз он не принял ни одного горшка...

Весть о побеге

– Неужели все погибли? Наши... мальчики...

– Нет. Не все, – удручённо ответил посыльный. – Однако и хороших новостей я не принёс.

– Говори же, говори! – взволнованно молил народ.

– Аполлоний – сущий дьявол, а его войско безоговорочно исполняет все его приказы. Он никого не помиловал, даже тех, кто по слабости души, сдавался в плен.

Воинов было такое множество, что не было видно ни клочка земли, а наши войска были ничтожно малы, по сравнению с ними. Наш король Патрикий бежал с поля битвы, и наши солдаты пали духом. Многие покинули битву, убежав вслед за королём.

Потому я могу лишь передать то, что мне неизвестна судьба всех солдат; кто-то погиб, но многие находятся сейчас в бегах в различных лесах и болотах.

Король Патрикий бежал в столицу и приказал укрепить стены для будущей битвы, чтобы подготовиться и иметь преимущество перед солдатами Аполлония.

– Но это же хорошо! Наши дети живы! – недоумённо воскликнула одна из женщин в толпе. – А значит, они рано или поздно вернуться.

– Но даже если они сюда придут, нас не спасти, – запротестовал один из старцев деревни. – Если наш король ожидает битвы в столице, то под удар падём мы. Наша же деревня расположена на главной дороге!

– Король нам не поможет. Битва показала, что ему важна столица, – обречённо продолжил посыльный. – Женщинам придётся молиться, чтобы их бежавшие сыновья пришли после того, как по этим землям пройдёт войско Аполлония, иначе их ожидает смерть.

– Как и всех нас, – прошептал один из мужчин.

– Вздор! Король не может бросить свой народ! А мы тоже его народ. И пусть мы всего лишь небольшое поселение!

– Я буду ждать своих сыновей. Неважно, кто придёт первым. Мои ноги не выдержат долгой дороги – я не смогу спастись бегством. Так пусть хотя бы глаза и сердце возрадуются, когда я увижу своих мальчиков. А если же придёт войско, такова моя судьба – погибнуть от рук врага, зная, что мои дети живы, – гордо ответила пожилая женщина.

– Я ухажу в столицу. Мне не хочется принимать бой без солдат и оружия, – ответил фермер.

– Скажи честно, что не хочешь умирать, – процедила одна из женщин.

– Да, и мне не стыдно за это.

– А я останусь и буду ждать короля. Я верю в него. Сейчас он окрепнет и вернётся в бой с новыми силами. Это тактика такая. Война никогда быстро не заканчивается. Здесь нужна не только сила, но и стратегия. Не просто так король это всё сделал, – ответил второй старец.

– Старый дурак, – прошептал про себя муж Урсулы. – Нас ждёт гибель.

– Но не могут же всех убить. Кто-то должен подчиняться, – прошептала на ухо мужу Урсула.

– Ты права, только я боюсь представить, что случится с нами, и как захотят поиздеваться эти воины. Уходи. Ты здоровая, потому сможешь дойти до столицы.

– Я не уйду без тебя.

– Моя нога мне не позволит. Война покалечила меня на всю оставшуюся жизнь. Даже там я оказался им не нужен.

– Тогда тебя тем более не тронут. А я останусь с тобой.

Предложение Аполлония

Аполлоний и его войско пришли в деревню через неделю после той битвы, когда король Патриций бежал. Та победа ещё больше воодушевила молодого и амбициозного полководца идти вглубь страны.

Он каждый день представлял, как будет брать столицу, захватывать в плен королевскую семью, склонять Патриция преклонить колена, надевать корону этого государства.

Мысли пьянили, однако разум требовал трезвых решений: его воины изрядно устали, запасы еды и воды заканчивались, а странная хворь, поразившая некоторых солдат, требовала времени, чтобы заболевшие смогли набраться сил.

Бои шли хорошо, но самый главный бой ещё предстоял, потому его воины должны быть готовы, воодушевлены, свежи и здоровы.

По дороге в столицу, после недельного шествия, Аполлоний заметил небольшую деревню, в которой было много стариков, женщин и небольшое количество мужчин. Окружив деревню, полководец убедился, что поселение никем не защищено, а значит здесь он сможет устроить временный привал, чтобы пополнить запасы.

Народ, населявший деревню, выглядел удручённым, но не запуганным. Один из старцев преклонился перед конём, на

котором восседал Аполлоний, предложив ночлег, еду и вино, в обмен на то, что ни один житель деревни не будет убит или оскорблен:

– Меня поражает ваша смелость, – дерзко улыбнулся Аполлоний, обнажив свои белые зубы.

– Мы получаем различные вести и потому знаем, чего требовать. Вам нужен отдых, чтобы захватить нашу столицу, а мы хотим мирной жизни, – угрюмо ответил старец.

– Ну конечно, надо же кем-то править, – усмехнулся полководец.

– Наша деревня лишилась многих юношей, потому здесь вы не найдёте препятствий и ловушек. Многие пустились в бега при вести о том, что ваши войска приближаются. Мы малочисленны, нас легко захватить, но нападать на безоружных бесчестно.

– И вы правы, уважаемый. Мне нравится то, что вы не играете в храбрецов, как ваш король. Увы, он всего лишь играл. А вы, судя по вашим речам, более подходите на эту роль.

– Осмелюсь ответить, мы действительно надеялись, что наш король нам поможет, – губа старца дрогнула.

– Я обещаю не причинить никому вреда в обмен на ночлег, еду, вино, которую проверят дегустаторы, на горячую воду, корм для лошадей. Если мой солдат что-то попросит, вы обязаны это исполнить.

– Господин, а женщины? – крикнул кто-то из войска. По

рядом прошёлся одобрителный гул.

– Помилуйте, в столице много публичных домов. Мы лишь честные работники на полях. В каждый дом пришла беда – наши женщины убиты горем! – перешёл в тревожный шёпот старец.

– Никого не трогать! – громко произнёс Аполлоний, и в рядах резко стало тихо. – Это мой будущий народ. Кто посмеет оскорбить мой народ, тот будет наказан по законам нашего дома! Первый ряд, проверьте все дома, чтобы убедиться, что это не ловушка. Как только я получу хорошие вести, второй ряд ведёт лошадей в стойла. Третий ряд ведёт больных солдат на лечение к местным лекарям. Остальные идут обедать и искать ночлег.

– Благодарю вас, господин, что не позволили обесчестить наших женщин. Благодарю! – благоговейно лепетал старец.

– Я держу своё слово. Однако, поскольку теперь это моя земля...

– Конечно! Это ваша земля. Ваша деревня. А мы ваш народ...

– Тогда вы должны знать первый закон нового государства. Каждый город предоставляет мне женщину, которая могла осчастливить меня. Таким образом я оказываю ей честь, даря возможность родить мне наследника. Я не беру силой, но весьма люблю такие ... дары.

Эта женщина получит от меня щедрые дары в виде золота и украшений. Это честь для её семьи. Если же она понесёт от

меня дитя, то все её близкие озолотятся. Обычно народ заранее готовится к такому событию, но, поскольку вы не знали о таком законе, я сам выберу себе счастливицу, – после этих слов Аполлоний начал глазами выбирать подходящую женщину, среди немногочисленной толпы.

Его взгляд остановился на высокой и пышногрудой женщине. В её голубых глазах читался испуг, а щеки предательски зарделись румянцем стыда.

– Но... – слабо запротестовал старец.

– Как тебя зовут? – повелительно спросил Аполлоний, не отводя от женщины глаз.

– Урсула, – тихо произнесла женщина, а на её глазах появились слёзы.

Отказ Урсулы

– Урсула. Красивое имя. Ты сегодня подаришь мне тепло в эту ночь.

– Нет, – громко ответила женщина, однако в голосе прозвучала дрожь. Кто-то из толпы шумно вздохнул и охнул. Улыбка с лица Аполлония резко пропала.

– Не успел упомянуть главное правило – я не терплю отказов.

– Я не смогу вам подарить наследника. Я замужем уже достаточно много лет, однако судьба так и не одарила меня ни одним ребёнком.

– Звучит лишь как жалкая попытка отказать. У меня уже достаточно наследников и мне неважно, бесплодна ты или нет. Твоё чрево – не самое важное, чего желаю. Я лишь упомянул, что если у тебя появиться ребёнок, то не будешь голодать.

– Однако я всё равно откажу.

– И почему же?

– У меня есть муж, – Урсула подошла ближе к своему мужу.

– Он? Что же он такого умеет, что ты теряешь от него рассудок? – ухмыльнулся Аполлоний, однако на этот раз в голосе чувствовалось раздражение.

– Я верна своему мужу и не позволю...

– Достаточно, – полководец поднял руку в знак того, чтобы женщина замолчала. На этот раз Аполлоний обращался к мужчине. – Судя по тому, что рана на ноге ещё свежа, ты участвовал в битвах против меня?

– Вы совершенно правы, – угрюмо ответил муж Урсулы.

– Как же тебя зовут, храбрый воин?

– Агапион.

– Хм, Агапион. Возможно ты видел, как я расправлялся с теми, кто сопротивлялся мне.

– Видел.

– И это были славные мужчины. Они отдавали жизнь за то, что было губительно. Если бы вы победили, никто бы из вас не пришёл домой богачом. Это было заранее пустое дело.

И вы всё равно сопротивлялись. Вот ты, получив рану, стал богачом?

– Мне дали хорошее жалование.

– Но ты стал никчёмн. Тебе тяжело трудиться с такой ногой, а если придёт грабитель, ты не сможешь защитить свою глупую жену. А здесь я предлагаю богатство, не проливая крови. А твоя жена сопротивляется, как те самые воины.

– Она женщина приличная. Я не смею ей перечить и уважаю её выбор, – тихо ответил Агапион.

– Быть может вы выберете другую женщину? – робко спросил всё ещё стоящий на коленях старец.

– Вы смеете приказывать мне, что делать?

– Всё чисто, господин. В деревне нет ни одного солдата, – послышался отдалённый крик из домов.

– Славно. Я уже думал, что вы намеренно тянете время, – тихо ответил Аполлоний, а затем громко произнёс. – Приготовьте личный шатёр.

– Поймите, у нас не принято изменять. Мы же только что стали повелителем этих земель, и потому мы ещё не знаем новых законов.

– Я достаточно пояснил. Следует быстро понять и принять это, – процедил сквозь зубы Аполлоний. – Я не проигрывал ни одного боя. Передо мной пал не один город, и потому я не потерплю отказа от какой-то женщины. Передо мной исполняли куда более невыполнимые приказы.

– Урсула, ну почему ты молчишь, извинись, – прошипела

одна из женщин.

– Нет, это низко, – прошептала Урсула, стараясь не заплакать.

– Жду тебя вечером в своём шатре. Если ты не придёшь в полночь, утром всех перебеём. Вы не выполняете моего условия, а я не выполняю ваше. Отдохнём, поедим и вылечимся и без вас, а ваши трупы будут гнить на полях, – после этих слов он пришпорил коня и поскакал в ту сторону, откуда доносился смех солдат.

Мольба народа

– Что ты наделала? – прошипела одна из женщин, как только Аполлоний исчез из вида. – Нам всем конец! Могла бы и согласиться. Он молод и неплох собой.

– Вы не понимаете, на что меня обрекаете! – в отчаянии запротестовала Урсула.

– Зато ты нас обрекаешь на смерть! – не унималась женщина. – Посмотри вокруг! Твой дом один из немногих, который не украшен чёрной лентой. Твои двери закрыты, потому что ты не познала смерть!

– Мой муж участвовал в битвах! Я тоже пострадала из-за этого. Тем более он! Не став он калеккой, нас бы уже здесь не было!

– Урсула, хватит, – мягко ответил Агапион.

– Почему же они имеют право так судить обо мне? Я вер-

ная жена! То, что мне предлагают сделать, поругает твою честь.

– Моя честь раздавлена уже давно. Идём домой, нам надо поговорить, – после этих слов мужчина медленно последовал к своему дому, не дожидаясь Урсулы.

– Урсула, подожди. Не слушай эту женщину. Страх говорит за неё. Послушай, пожалуйста, меня, – ласково молила другая женщина, нежно прикоснувшись к руке Урсулы.

– Это так...низко...

– Понимаю тебя, но, прошу, выслушай. В обычной жизни это было бы ... неверно. Но сейчас идёт война. На кону стоят жизни. Неважно, на чьей голове будет возлежать корона – наша жизнь никак от этого не изменится. Надо жить здесь и сейчас, решая насущные проблемы.

Вот сейчас действительно появилась проблема, которая угрожает нам всем...

– И вы просите меня стать её решением? – язвительно произнесла Урсула.

– Да. У тебя практически нет выбора. Объясню так, что тебе станет неприятно.

– Куда уж больше...

– Ты не знаешь, каково быть матерью. Ты не воспитывала детей, не видела их взросления, не познала этого чувства. Наши женщины, когда отдали своих детей на войну, не могли сомкнуть глаз по ночам, боясь, что к рассвету придёт посылный с горестной вестью.

Побег солдат дал им надежду. Они ждут своих сыновей, которые рано или поздно придут сюда и останутся живы, ведь Аполлоний уже прошёлся по этой земле, и им ничего не угрожает. Матери наконец-то смогли благоговейно заснуть, чтобы видеть в своих снах детей.

Но что будет, когда придут наши сыновья и застанут здесь лишь выжженную землю? На твои хрупкие плечи взвалилась не только жизнь деревни, но и жизнь солдат.

Сейчас это не считается чем-то постыдным. Ты делаешь это во спасение. И, думаю, твой муж тоже хочет тебе об этом спокойно сказать, не при всех. Не будь так отчаянна в своём отказе, иначе томительный страх захватит умы жителей, и тебя насильно поведут к Аполлонию.

Поговори с мужем дома и выслушай его. Думаю, он не сочтёт это позором.

После этих слов женщина удалилась. Подошедшие воины потребовали чистой одежды и горячей воды, из-за чего народ быстро разошёлся в разные стороны, чтобы выполнить поручения. Урсула медленно побрела к своему дому.

Признание Агапиона

Агапион ещё не успел дойти до дома, потому встретился со своей женой на тропинке. Женщина молча подхватила мужа под локоть и помогла дойти до дома:

– Закрой дверь, – тихо попросил Агапион, приседая на ближайшую низкую лавку. Урсула молча выполнила поручение.

– Я не рассказывал о том, что действительно происходило в этих боях. Наши люди, особенно те, кто дожидается сыновей, не смогли бы выдержать подобного рассказа.

На войне человек превращается в зверя. Голодного, жестокого зверя. Свой голод он может утолить лишь криками врага, хрустом его костей, рвущейся плотью, льющейся кровью.

Моя рана получена не от меча. Меня пытали. Я был внутри ада и мне удалось из него выйти, предав другого солдата. Я даже имени его не знаю. Для меня он останется лишь кошмаром, которую преследует меня до сих пор во снах.

Я не хочу говорить о том, что пережил. Но с тех пор я напроць забыл о чести. Я перестал себя звать человеком. Мне просто хотелось жить. Я выбрался из ада, но ад теперь будет преследовать меня до конца дней.

Урсула. Я знаю, на что способен Аполлоний и его воины. Я видел это. Я испытал это на себе. Хуже позора, который я сам на себя навлёк, уже быть не может.

Ты, Урсула, совсем иное. Ты спасаешь всех. Это не стыд и не позор. Я не буду поруган, а наши люди будут помнить твой подвиг годами. Понимаю, как тяжело тебе сейчас, но, если ты откажешь Аполлонию, то поступишь как я, но никого этим не спасёшь.

– Ты хочешь, чтобы я пошла к нему? Ублажала его? – по щекам женщины вновь потекли слёзы.

– Если бы я мог приказать, то сделал бы. Ты сильная и смелая. Потому сейчас нужно проявить свою силу и сделать это.

– О мой дорогой, – женщина упала на колени, припав к ногам Агапиона.

– Если бы не моя нога, мы бы давно уже сбежали. Тебе бы не пришлось проходить через это, – мужчина часто заморгал от поступавших слёз. – Говорил тебе, спасайся сама.

– Я тебя никогда не покину. Я буду преданна тебе до конца своих.

– Тогда сделай это ради меня.

– Хорошо, Агапион, я сделаю это, чего бы мне это ни стоило.

Полночь

– Чего ты так бежишь? – шёпотом произнёс мужчина, который кормил лошадей.

– Я только что глянула, что происходит во дворе Урсулы и Агапиона, – с едва сдерживаемым ликованием произнесла низкорослая женщина.

– И что же ты там такого увидела, раз так бежишь? – раздражённо произнёс мужчина, услышав имя стропливой женщины.

– Урсула умывается, а Агапион чистит её одежду!

– И?

– Если она отказалась от ночи...

– Пусть только попробует, я её сам принесу к шатру, несмотря на её мужа-калеку!

– Да подожди, не перебивай! Они должны были сейчас тогда бежать, чтобы спастись. Ну хотя бы она. Так кто ж перед побегом умывается?

– Ты хочешь сказать, что она...

– Возможно. С чего вдруг мужчина будет чистить бельё своей жены?

– Ты думаешь, он её уговорил?

– Перед побегом никто белья не чистит. Мой муж собрал еду, деньги и убежал в лес. А ткань, что держал в руках Агапион, очень тонкая. Для долгого пути слишком... деликатная.

– Даже ткань разглядела! – усмехнулся мужчина. На этот раз его тон был жизнерадостнее. – Рано надеяться на то, что она одумалась. Лучше следи за ними дальше.

– О чём вы тут шепчетесь? – встряла в беседу пожилая женщина.

– Урсула умывается, а Агапион чистит её бельё, – весело ответил мужчина. – Но пока не спускаем с них глаз.

– Она передумала? Как здорово! Надо оповестить всех!

Постепенно деревня узнала о том, чем занимались су-

пруги. Не выдержав чувства неизвестности и желаемой надежды, старец подошёл к дому Агапиона и, постучав дверь, спросил прямо о намерениях Урсулы. Получив согласие, старец созвал всех жильцов к дому, чтобы поблагодарить Урсулу за спасение.

Женщина, с едва скрываемой печалью, попросила не преследовать её ночью, когда она пойдёт к шатру полководца. Народ, понимая её смущение, поклялись исполнить просьбу.

– Здоровья тебе!

– Благодарю тебя!

– Мы будем помнить твой подвиг!

– Мы понимаем, как тяжело тебе сейчас!

– Когда придёт мой сын, я смогу его обнять. Я назову внучку твоим именем.

Некоторые женщины разразились благоговейным плачем. Агапион попросил удалиться людей по своим домам, ссылаясь на то, что воины могут заподозрить в этом сборе бунт. Услышав такое предостережение, люди разошлись по домам, но на этот раз окрылённые и довольные.

Наступила ночь. Как ни хотела этого Урсула, но тьма всё-таки настигла небо. Женщина надела полупрозрачную тунику, в которой просвечивался тонкий силуэт её фигуры. Агапион лично распустил и расчесал волосы жены, нежно поцеловав её в шею.

В дверь постучали. Не услышав одобрения, воины Аполлония распахнули дверь и вошли в дом:

– Наш господин призвал нас узнать о решении женщины, – ответил один из воинов, что стоял впереди.

– Я согласна, – чётко ответила Урсула. Воин оценивающе взглянул на неё снизу вверх.

– Тогда мы проведём вас к нашему господину.

Шатёр внутри был украшен множеством подушек и зажжённых свечей. На спешно сколоченной кровати лежал поднос с фруктами и кувшином с вином. Аполлоний, сменивший походное облачение на лёгкую одежду, лежал и делал заметки в походном дневнике.

Увидев Урсулу, мужчина быстро вскочил с кровати, и, улыбнувшись, направился к пришедшей гостье:

– Я рад, что ты сделала правильный выбор, – радостно произнёс мужчина. Он нежно схватил руку женщины и поцеловал её.

– Надеюсь вам понравилось наше гостеприимство?

– Да, весьма благодарен, – Аполлоний сделал знак рукой, из-за чего воины, находящиеся внутри шатра, удалились наружу. – Ну чего же ты стоишь? Подойди же ко мне! Не бойся.

После этих слов мужчина схватил Урсулу за талию и, прижав к себе, жадно поцеловал. Его руки медленно ласкали женское тело, словно ненавязчиво прощупывали, что может скрываться под тканью белья.

Урсула задрожала от подступающего отвращения, но всё же, пересилив себя, нежно приложила свои руки к груди полководца:

– Твои уста радуют меня! Ты стала ещё прекрасней в свете свечей, – после этих слов мужчина быстро развязал узел от белья, и тонкая струящаяся ткань скользнула вниз, оставив Урсулу без облачения.

Аполлоний жадно покрывал шею и грудь женщины многочисленными поцелуями. Каждый след от прикосновения губ был для Урсулы подобием удара плетью. В отчаянии женщина застонала, однако полководец принял это за стон наслаждения. Возбуждённый своими мыслями, Аполлоний жадно впился губами в левый сосок, слегка подраживая его языком.

Урсула чувствовала, как сильно мужчина её желал, чувствуя бедром его набухшую плоть. Аполлоний прервал свои действия и, опустив женщину на колени, начал развязывать узлы на своих льняных брюках: «Я познал прелесть твоих губ. Теперь я хочу насладиться их лаской сполна...»

Неожиданный поворот судьбы

Агапион не мог заснуть, ожидая Урсулу. Мысль о том, что сейчас переживает его жена, не давала покоя. Когда женщина пришла домой в сопровождении охраны, муж спешно, как мог, набрал ещё тёплую воду для мытья, как заранее догово-

ривались с супругой.

Урсула зашла тихо, будто боялась разбудить всех жителей поселения. Женщина лишь кратко попросила мужа ни о чём не беспокоиться и не спрашивать и, передав ему мешочек с монетами и золотой браслет, украшенный драгоценными камнями, пошла умываться.

Когда Урсула легла в постель, её муж уже лежал рядом:

– Он тебя не обижал? – робко спросил Агапион.

– Нет, – ответила Урсула после секундного молчания. Она до сих пор чувствовала на себе прикосновения Аполлония, горячее семя, стекающее по бёдрам. Ей казалось, что всё шло мучительно медленно и, придя в свой дом, она наконец-то обрела покой.

Утром следующего дня супруги обнаружили в своём дворе дары от местных жителей, в благодарность за то, что их жизни и чести теперь ничто не угрожало.

Ещё несколько дней войско Аполлония пользовалось гостеприимством деревни, однако Урсулу больше не призывали, что, конечно же, не могло не радовать несчастную.

От пережитых эмоций женщина слегла с простудой, но быстро выздоровела после того, как полководец повёл свою армию в сторону столицы.

Люди шептались, что Аполлоний выглядит встревоженным и задумчивым, будто что-то его тревожило. В сердцах народ надеялся, что до полководца дошли вести о непри-

ступности столицы, ведь мужчина все эти дни больше не выходил из шатра, однако судьба решила сыграть другую шутку.

До столицы армия Аполлония так и не дошла. Болезнь, что охватила солдат, постепенно проникала в кровь полководца. Мужчина чувствовал себя неважно, после приезда в деревню, потому он все эти дни находился в шатре.

Лекари, которых он собрал с собой из своей страны, настаивали пролежать ещё дольше и отложить наступление на столицу до того времени, пока Аполлоний окончательно бы не окреп. Однако амбициозные планы полководца были настолько велики, что никакие увещевания лекарей не заставили мужчину изменить своего решения.

Почувствовав себя немного лучше, Аполлоний повёл войско в сторону столицы. Увы, но томительная дорога дала свои плоды. Болезнь, до конца не вышедшая из тела мужчины, пустила свои корни и продолжала отравлять уставшее от походов тело.

Через неделю Аполлоний свалился с коня из-за жара, а уже через несколько дней после питья всевозможных трав и лихорадки, юный полководец скончался. Армии ничего не оставалось делать, как возвращаться домой, чтобы встать на нужную сторону среди братьев Аполлония, желающих занять его место.

Король Патриций, неожиданно победивший в этой войне,

быстро вернул себе прежние территории и, чтобы предотвратить дальнейшие нападения, спешно поздравил нового правителя, младшего брата Аполлония, и выдал за него свою дочь. С тех событий прошло несколько лет.

Свой унижительный побег Патриций никак не хотел вспоминать, и потому он делал всё, чтобы всячески его забыть. Те солдаты, которые бежали за ним в столицу, получили маленькое жалование и ссылку на работы в самые удалённые участки страны. Так, невольные свидетели слабости короля были устранены из людных мест.

Людей, кто в тавернах или рынках любил вдаваться в воспоминания о том злополучном моменте, арестовывали и лишали имущества. Местные вестники и проповедники, по приказу короля, распространяли речи о низости и трусости тех людей, кто поддался страху и не верил в короля.

Увы, люди, пребывающие в экстазе от недавней свободы, быстро приняли эти слова в сердце. Теперь начинался народный суд. Люди, успевшие послужить Аполлонию или его войску, всячески преследовались и подвергались всеобщим унижениям. Они становились изгоями.

Забытая благодарность

Не избежала этой участи и деревня, в которой проживали Урсула и Агапион. Казалось, что жизнь возвращается в этот небольшой клочок земли: сыновья вернулись из лесов, чер-

ные ленты стали постепенно исчезать из домов, поля были богаты урожаем, а весть о дальнейшем перемирии вообще должна была стереть все ужасы прожитых дней.

Однако народ помнил. Каждую проповедь люди слышали хулу о тех людях, что подчинились Аполлонию. Каждый понимал, что виноват по этой проповеди, однако признать подобного унижения не хватало сил. Каждый оправдывал себя как мог, и потому часто можно было слышать подобные речи на совместных работах:

– Мои мальчики были неизвестно где. Мне надо было их ждать! Я только дала им чистого белья. Что здесь такого? Любой бродяга мог бы ко мне подойти, я бы сделала то же самое!

– А у меня дочь пяти лет. С ней долго не убежишь. Пришлось оставаться. Я только кормил их. Но я любого человека накормлю, пусть он только попросит меня. Я же человек!

– Я только воду черпала! Это же простая нужда. Тем более, если бы я была их слугой, то получала бы за это плату! А так ничего!

– Да, как будто нас ограбили! Да, так и есть! Нам угрожали и унижительно ограбили!

– Конечно! Я до сих пор не могу собрать тот урожай, что был тогда!

– Я же их никак не ублажала! Не пресмыкалась перед ними!

– В отличие от Урсулы. Вот она ублажала того жалкого

полководца. Сначала такая «Неет, я не буду!», а затем молча пошла.

– Да, ещё муж ей помогал прихорошиться! Вот тут да!

– Так она ещё денег от него получила! Тьфу!

– А как же тот старец, что преклонил колени, когда Аполлоний только прибыл?

– Тише! Не произноси это имя!

– Так тот старец уже умер. Видать от стыда. Мы же ему не поклонялись! Получается среди нас нет предателей, кроме старца, Урсулы и её мужа.

– Тьфу! А ещё строила из себя порядочную женщину!

– А мужу её не стыдно? Мне было бы стыдно получить такое унижение?

– А может ему нравится так?

Урсула и Агапион часто слышали подобные высказывания о них, однако они произносились всегда тихо, будто боялись сказать это, глядя в глаза.

На рынке им стали продавать только тухлую рыбу или же что-то продавалось дочи́ста как раз к тому моменту, когда подходили они.

Места в церкви всегда были пусты возле супругов, будто они были поражены проказой.

Никто не приходил к ним домой в гости, как обычно бывало до этих времён.

На общественных работах в поле, Урсуле давали самую

скучную работу, которая находилась подальше от людей.

Никто не желал с ней общаться, будто её не замечали среди толпы.

Никто не смотрел ей в глаза, а спешно убегали по своим делам, кидая ей вслед лишь дежурные фразы.

Вскоре отчуждение от народа стало поводом для сплетен об их заносчивости. Кто-то придумывал, что Урсула всегда была такой. Появлялись слухи о том, что Агапион не уходил на войну, а прятался в погребе, чтобы не получить всеобщего порицания. Вспоминали часто и о дорогом подарке полководца после той ночи, обвиняя его в том, что из-за этого супруги и стали такими заносчивыми, что не желают здороваться с людьми.

Ненависть так быстро переросла в нечто угрожающее жизни несчастным. Постоянно у входа в дом Агапион находил убитых крыс, а в одну ночь загорелся сарай.

Урсула и Агапион были свидетелями их позора и всеобщего стыда, которые невольно не давали забыть народу об их унижении. Люди делали всё, чтобы изжить их из этой земли, позабыв о помощи Урсулы.

В конце концов один из местных мужчин подошёл к Агапиону и прямо попросил покинуть деревню. Измученные супруги, не споря ни с кем, собрали свои вещи и покинули поселение на рассвете. Весь народ вышел провожать их, однако ни одного слова не было сказано им в дорогу.